

М.Р. Асадуллин

СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ ЧАСТНОГО ПРАВА

Монография

Под редакцией В.П. Васькевича

СТАТУТ
МОСКВА 2026

УДК 347.1
ББК 67.06
А90

Автор:

Мурад Ринатович Асадуллин — кандидат юридических наук, адвокат Адвокатской палаты Республики Башкортостан, доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

Научный редактор:

Владимир Петрович Васькевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского федерального университета, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права, кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета; член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; арбитр Международного коммерческого арбитражного суда Центр арбитража и посредничества при ТПП РФ; арбитр Третейского суда, Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей, Волжско-Камское отделение, г. Казань

Рецензенты:

Демиева Айнура Габдулбаровна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета; арбитр Третейского суда, Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей, Волжско-Камское отделение г. Казань;

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации

Асадуллин, Мурад Ринатович.

А90 Система субъектов частного права : монография / М. Р. Асадуллин ; под ред. В. П. Васькевича. — Москва : Статут, 2026. — 144 с.

ISBN 978-5-8354-2196-1 (в пер.)

В монографии представлена система субъектов частного права, которая ориентирована на достижение принципиально новых результатов в теоретико-правовой науке. Раскрываются основные особенности правового положения субъектов частного права и определения их правосубъектности в рамках различных отраслей частного права на современном этапе развития общества. Построение исследования системы субъектов частного права было осуществлено на основе ранее не использовавшихся в отечественной юридической науке принципов единства и связанности правореализационных процессов в сфере частного права применительно к материальным и процессуальным правовым нормам. В монографическом исследовании впервые поднята проблематика выявления общих черт и закономерностей системы субъектов частного права в отраслях как процессуального, так и материального частного права.

Законодательные акты приведены по состоянию на апрель 2026 г.

Для ученых, практикующих юристов и всех интересующихся проблемами частного права.

УДК 347.1
ББК 67.06

ISBN 978-5-8354-2196-1

© Р.М. Асадуллин, 2026

© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная отечественная правовая наука располагает вполне сформировавшейся теорией субъекта права, однако данная фундаментальная основа позволяет развивать ее отдельные положения на уровне метаотраслевых образований, к каковым, например, относится частное право, сохраняя общетеоретический аспект содержания.

Следует признать, что современные представления о субъектах права генетически и функционально связаны с цивилистическим учением о субъектах гражданско-правовых отношений. Этим во многом и объясняются некоторые недочеты в формировании единой общетеоретической концепции субъектов права, периодические «уходы» в цивилистику. Несомненно, это связано с тем, что традиционно в основу теоретических положений о субъектах права закладывались труды выдающихся ученых-цивилистов, как дореволюционных (Д.И. Мейер, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич), так и советского периода (М.М. Агарков, С.Н. Братусь и др.). Одновременно, например, в основу общего учения о юридической ответственности легли работы специалистов в области уголовного и административного права. В данном случае мы имеем дело с традиционной для общей теории функцией аккумуляирования и обработки юридической информации в целях освобождения ее от отраслевой специфики и перевода в другие отрасли права с дальнейшим отраслевым оформлением. Однако, как показывает практика, создание «чистой», свободной от отраслевой специфики концепции происходит не всегда. В этом случае принято говорить о преждевременности придания категории статуса общетеоретической (С.И. Архипов).

С другой стороны, включение в таком недоработанном виде категории «субъект права» в структуру публично-правовых отраслей, механический ее перенос приводят к значительному искажению содержания норм публичного права и вызывают массу сложностей. Такие сложности сподвигают специалистов в области отраслевых юридических наук к созданию отраслевых теорий о субъектах права, формированию

отдельных классификаций, не всегда обоснованных и имеющих качество элемента системы права на макроуровне.

В этой связи выход видится в создании двунаправленной теории субъектов права: отдельно — для сферы частноправовых отношений, отдельно — для публично-правовой сферы.

Вместе с тем всякая теория должна иметь свойство системности, иначе детальное дробление, низведение до отраслевого уровня деактуализируют саму проблему и уведут общеправовую теорию в сферу общего философствования о праве, хотя теоретическое знание должно давать объяснение всех сторон объекта, выявлять внутренние закономерности, опираясь на общие логико-методологические принципы, восходить к наивысшей для данной категории ступени обобщения.

Следовательно, назрела необходимость разработать подход к выявлению общих закономерностей системы субъектов частного права, предоставляющих возможность ответить на вопросы, кто (что) есть субъект частного права, каковы его роль и место в правовой системе, каким образом должны формулироваться нормативные правовые положения о его статусе и функционировании. Решение данных задач позволит сформулировать определение понятия «субъект частного права», выделить его межотраслевые характеристики (с одной стороны) и отграничить от публично-правовых субъектов (с другой стороны).

Субъектно-коммуникативный подход к пониманию системы права не позволяет игнорировать и проблему выяснения отдельных сторон проблематики субъекта права, но это позволяет сделать резюме относительно важности и актуальности темы монографического исследования.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ ЧАСТНОГО ПРАВА»

§ 1. Содержание и сущность категории «система субъектов права»

Категория «субъект права» относится к универсальным юридическим понятиям, в связи с чем является объектом пристального внимания как с позиций общей теории государства и права, так и с точки зрения отраслевых наук. Вместе с тем подразделение системы права на макроуровне, не совпадающем с отраслевым делением права, позволяет выделить и соответствующий аспект в проблеме определения субъекта права.

На современном этапе развития юридической науки, благодаря накопленному теоретическому и отраслевому материалу, рассмотрению его посредством новых подходов и методов исследования традиционных, но оттого не менее многогранных категорий, следует обратиться к новому изучению актуальных проблем правоведения. Поэтому исследование категории «субъект права» через характеристики системного подхода и с учетом ее юридических особенностей, проявляющихся в связи с действием норм частного права, представляется весьма уместным, особенно в ходе проведения правовых реформ, направленных на усиление частноправового элемента в правовых отношениях.

Рассмотрение категории «субъект частного права» позволяет ответить на ряд существенных вопросов, возникающих на стыке отраслевых юридических наук, которые, однако, вполне обоснованно не рассматриваются в рамках теории соответствующих отраслей права, поскольку исследования уводят от предмета данных отраслей в систему межотраслевых связей. Следовательно, рассматриваемая категория вполне может быть изучена с точки зрения общей теории права и государства.

Особое значение с учетом межотраслевого характера приобретает в исследовании системный подход как новаторский путь осмысления

юридической природы субъектов в качестве сложного, многокомпонентного целого, содержащего особые, свойственные и элементам этого целого признаки. Диалектически такая система субъектов представляет собой объект правового воздействия, обладающий специфическими внутренними связями и отношениями, существование которых подчинено определенным закономерностям. Именно этим обосновывается корректировка методологических позиций и средств познания объекта. В этой связи вполне уместно привести мнение Э.Г. Юдина о том, что «...получение значимого результата самым непосредственным образом зависит от исходной теоретической позиции, точнее, от принципиального подхода к постановке проблемы и определению общих путей движения исследовательской мысли»¹.

Представление субъектов частного права в виде единой системы обуславливает ориентацию исследования данного объекта на позиции системного подхода как наиболее подходящего направления в познании сложноорганизованных объектов — систем.

Как вполне справедливо отмечается в научной литературе, правильное понимание сущности системного подхода является одним из факторов успеха системного изучения того или иного объекта². В настоящем исследовании предпринимается попытка реализации принципов системного подхода в конкретно-научном исследовании, а не ставится задача всестороннего анализа сущности системного подхода, методология которого изложена в самостоятельных научных работах.

Вместе с тем необходимо изложить общую характеристику познавательных возможностей системного подхода в методологическом арсенале современной юридической науки. Поэтому прежде всего хотелось бы отметить, что система (от греч. *systema* — целое, составленное из частей; соединение) представляет собой множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство³.

Системные идеи, динамичное развитие которых началось во второй половине XX в., являются методологической основой познания

¹ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. С. 117.

² См.: Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. С. 32.

³ См.: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энци.; С.-Петерб. фонд «Ленинградская галерея», 1994. С. 1215.

действительности многими науками в самых различных областях. Однако до сих пор нет единогласия по поводу его собственно методологических характеристик. Одни авторы относят системный подход к методам познания. Например, В.М. Сырых, характеризуя системный (системно-структурный — в терминологии автора) подход, рассматривает его как метод научного познания наряду с общими приемами познания, вырабатываемыми логикой и используемыми в любом научном познании для решения конкретных познавательных задач, наряду с анализом и синтезом, индукцией и дедукцией, аналогией, сравнением, восхождением от конкретного к абстрактному и наоборот и др.¹

Противоположно мнению А.И. Умова, который, ссылаясь на позиции И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина², отмечает, что системный подход, несмотря на его общенаучный характер, применим не ко всякому научному познанию, а лишь там, где целесообразно рассматривать объект как систему³.

Э.А. Поздняков определяет системный подход как принципы теоретического исследования объектов, представляющих собой сложные развивающиеся системы, а вопрос о соотношении системного подхода и диалектики разрешает через отнесение системного подхода к одному из принципов диалектического материализма, отождествляя при этом системный метод⁴.

Согласно точке зрения И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, системный подход представляет собой единое методологическое направление современной науки⁵. При этом, основываясь на четырехуровневом подразделении методологии — философском, общенаучном, конкретно-научном и методике и технике научного исследования, — Э.Г. Юдин утверждает, что системный подход принадлежит ко второму уровню, т.е. к уровню общенаучных принципов и процедур исследования⁶.

---

¹ См.: *Сырых В.М.* Метод правовой науки (основные элементы, структура). М.: Юрид. лит., 1980. С. 11, 13, 123–128.

² См.: *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.

³ См.: *Умов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. С. 20.

⁴ См.: *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. С. 12.

⁵ См.: *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Указ. соч. С. 104.

⁶ См.: *Юдин Э.Г.* Указ. соч. С. 141–144.

Иной позиции придерживается В.Н. Садовский, который полагает, что методологический подход может проявлять себя на всех уровнях вышеуказанной методологии. Системный подход, по мнению В.Н. Садовского, не средство познания, а одна из форм разработки, теоретического описания и исследования этих средств. Сами же средства познания определяются им как системные методы, а понятия системного подхода и системного метода автором употребляются как синонимичные¹. Такого же мнения придерживается и известный методолог права Д.А. Керимов, который считает, что системный подход, системный анализ представляют собой специфику системного метода как одного из методов диалектики².

Приведенная позиция дает основание для вывода о том, что системным методом Д.А. Керимов считает диалектическую категорию системности, развитием которой и является системный подход. Более того, системный подход не только конкретизирует положения диалектики, но и входит в ее состав³.

Таким образом, общий анализ далеко не полного перечня трудов, так или иначе затрагивающих отдельные аспекты системного познания действительности, с очевидностью демонстрирует, что вопрос сущности системного подхода и его методологического статуса далек от окончательного решения. Однако не менее очевидно и то, что системный подход эффективно внедрен в арсенал методологии познания и успешно используется в различных областях научных знаний.

При системном исследовании изучение объекта проводится не само по себе, а с учетом связи элементов и их места в структуре. Элементы рассматриваются относительно неделимыми в рамках разрешения конкретной задачи и с учетом специфики данного объекта. Свойства объекта как целого определяются не только и не столько свойствами его отдельных элементов, сколько свойствами его структуры, особыми интегративными связями рассматриваемого объекта. При этом исследование объекта в виде системы в методологическом плане неотделимо от анализа условий его существования и анализа среды системы⁴.

---

¹ См.: Садовский В.Н. Указ. соч. С. 27, 37.

² См.: Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. С. 205.

³ См. там же. С. 203.

⁴ См.: Садовский В.Н. Указ. соч. С. 19.

Это особенно важно подчеркнуть при осмыслении системы субъектов частного права, где средой (юридической) выступает сфера реализации частноправовых норм.

Продолжая рассуждения о системном исследовании, следует обратить внимание на научный подход Д.М. Гвишиани, который выделяет целый ряд методологических принципов системного исследования, таких как реализация концепции системности как движения от целого к части, от системы к элементам; выделение структурных уровней системы элементов и построение той или иной иерархии; движение от изучения свойств к изучению отношений; ориентация на функционирование объекта; определение оптимальных масштабов системы-модели, способной неуклонно повышать меру своей адекватности изучаемому системному объекту; учет противоречий, присущих системе¹.

Д.А. Керимов же в рамках рассматриваемой проблемы обозначает последовательный процесс системного исследования: во-первых, обнаружение составных частей системы; во-вторых, выявление специфических качеств каждой из частей; в-третьих, аналитическое изучение связей, отношений и зависимостей между собой; в-четвертых, обобщение частей в их качественной определенности, а также в их взаимодействии, раскрывающем свойства системы как единого целого; в-пятых, познание функционального назначения, роли и эффективности воздействия системы на среду и обратного влияния среды на систему².

Приведенные положения в ряде случаев дополняют друг друга и представляют собой арсенал средств, техники, принципов использования системного подхода в научных исследованиях.

Инструментарий системного подхода широко используется в юриспруденции. Так, вполне устоявшимися являются представления о правовой системе общества, системе права, системе функций права, системе законодательства и др.³

---

¹ См.: *Гвишиани Д.М.* Дialeктика, системность, глобальное моделирование // Вопросы философии. 1983. № 5. С. 129.

² См.: *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 202.

³ См.: *Алексеев С.С.* Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 7. С. 11–21; *Реутов В.П.* Функциональная структура системы права. Пермь: Изд. Перм. ун-та, 2002; *Самощенко И.С.* Методологическая роль системного подхода в изучении структуры советского законодательства // Вопросы философии. 1979. № 2. С. 65–76.

А.Ф. Черданцев специфику применения системного метода в правоведении видит в двусторонней структурной организации государственно-правовых явлений в силу того, что «...с одной стороны, каждое из них имеет внутреннюю структуру, внутреннее строение (целостность изучаемого объекта, его элементы, определенный порядок организации, связи между ними), с другой стороны — каждое из них выступает как элемент суперструктуры...»¹.

На полиструктурность правовых явлений обращает внимание и В.М. Сырых, который рассматривает возможность осуществления системно-структурного анализа на четырех уровнях: на уровне наиболее простых в структурном отношении явлений — норм права; на уровне системных образований — правовых институтов; на уровне систем, включающих в себя системные образования второго уровня — отраслей права; на уровне тотальной целостности — права в целом².

В дополнение к системному методу С.С. Алексеев указывает на необходимость при изучении правовой действительности исходить из понимания права не только в качестве особой социальной системы, но и под углом зрения системно-коммуникационных связей (право — элемент общества как системы, элемент других системных образований), системно-структурного аспекта (право — социальное явление, отличающееся сложной, многоуровневой структурой) и системно-функционального аспекта (право — социальная система, отличающаяся специфическими регулятивными и охранительными функциями)³.

С.И. Архипов, опираясь на коммуникативную концепцию права в интерпретации А.В. Полякова и уточняя системно-коммуникативный подход к праву, наполняет его субъектным содержанием, понимая право в этом контексте как систему субъектов права и их взаимосвязей, в которой сосуществуют правовые лица, взаимодействующие между собой⁴.

Правовая коммуникация, в отличие от иных форм социальной коммуникации, предполагает соблюдение всеми участниками специальных требований, правил, процедур, обеспечивающих опознаваемость,

¹ Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 34.

² См.: Сырых В.М. Указ. соч. С. 131.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 40.

⁴ См.: Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 14.

отождествимость правовых субъектов. В частности, к таким правилам относятся: правила регистрации актов гражданского состояния; нормы, регламентирующие порядок регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; правила определения места нахождения юридического лица и закрепления в уставных документах его наименования (включая указание на его организационно-правовую форму, а в ряде случаев — и на характер деятельности юридического лица); нормы о регистрации его фирменного наименования и т.д. Нередко в целях индивидуализации правового лица в сфере предпринимательской деятельности в рекламных целях используются специальная атрибутика, флаги, эмблемы, другие символы.

В контексте системно-коммуникационных связей мы и можем рассмотреть систему субъектов права: право — социальная система; субъекты — социальные элементы. При наложении системы права на совокупность субъектов элементы и основания для систематизации права также переходят на них. В этой связи деление права на частное и публичное как системное основание может отражаться и на соответствующей группировке совокупности субъектов.

Использование категории «система» применительно к совокупности субъектов не должно носить характер механического «переодевания» данной совокупности, а должно осуществляться с учетом наличных системных связей. Причем понятие «система субъектов» не должно применяться в качестве синонима общего перечня или обозначения круга субъектов отрасли права, метаотраслевого образования (частного и публичного права, международного или внутригосударственного права, материального и процессуального права). Объединяет их в систему не авторское мнение, а наличие объективных связей между ними и их качественная характеристика.

Безусловно, в любой систематизации может присутствовать субъективное мнение, однако необходимо, чтобы оно основывалось на адекватном восприятии объективной действительности, а не на поверхностном обобщении того материала, который желательно систематизировать.

При выделении теоретико-правовых оснований классификации субъектов права представляется недостаточным обобщение путем арифметических действий в общую итоговую сумму сложившихся отраслевых подходов, ибо каждая отрасль права ограничена своим предметом и методом, что не всегда позволяет провести теоретическую обработку без должного глубокого анализа. В качестве примера можно

привести общетеоретическую модель правонарушения, во многом сформировавшуюся под воздействием теории уголовного права, в которую в качестве квалифицирующего признака входит виновность, а ее исключение в ряде случаев, предусмотренных нормами частного права, расценивается как исключение из общего правила¹. Вместе с тем вина как элемент состава правонарушения могла бы и не присутствовать, поскольку относится к решению вопроса об ответственности правонарушителя, а не о квалификации проступка².

То же самое можно сказать и в отношении определения универсального понятия «система субъектов». По мнению В.М. Ведяхина и С.Н. Ревинной, «состав субъектов рыночных отношений не совпадает с классификацией субъектов гражданского права. В ГК РФ, как верно замечают отдельные авторы, отсутствует деление юридических лиц на публичные и частные, хотя указанная классификация имеет и теоретическое, и практическое значение...»³.

«Способность быть субъектом права, участником правоотношений, — рассуждает А.Ф. Черданцев, — обусловлена требованиями экономического базиса, социальными условиями жизни общества...»⁴. Признание лиц субъектами права, по утверждению Л.С. Явича, является «специфическим выражением и закреплением их фактического общественно-классового положения, их роли в данной организации труда, собственности и распределения, их места в политической и культурной жизни общества»⁵.

Исходя из этого, к свойствам, формирующим систему субъектов права, следует отнести не столько юридические признаки лиц, сколько их объективную социальную природу, которая, будучи осознанной законодателем, становится основой правового регулирования отношений с их участием.

При определении понятий «субъект частного права» и «система субъектов частного права» необходимо не проводить суммарный ана-

¹ См.: *Галузин А.Ф.* Правонарушения как основная угроза правовой и социальной безопасности: монография. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2007. С. 101.

² См.: *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 194–195.

³ *Ведяхин В.М., Ревина С.Н.* Об особенностях рыночных правоотношений // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 51.

⁴ *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С. 293.

⁵ *Явич Л.С.* Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 214.

лиз этих категорий как социально-правовых явлений, а отразить содержательную сторону, специфику качеств субъектов с отражением частноправовой характеристики.

На наш взгляд, рассматривая вопрос о социальных факторах правосубъектности, необходимо различать социальные типы субъектов права — индивидов и социальные группы, каждый из которых обладает значительным своеобразием, влияющим на объем отраслевой правосубъектности.

Еще одним признаком, свойством правового лица является его юридическая индивидуализация, опознаваемость, возможность его идентификации. Речь идет об обозначении, наименовании субъекта права для целей его участия в правовых отношениях, в правовом общении. Правовое лицо нуждается в индивидуализации не в меньшей степени, чем индивид. Без этого невозможны ни договорные отношения, ни отношения собственности, ни само закрепление за ним субъективных прав и юридических обязанностей и т.д.

Вопрос о классификации субъектов права продолжает оставаться дискуссионным. Отсутствует единство взглядов и на терминологию, используемую для отражения сущности конкретных видов субъектов. Как правило, при рассмотрении соответствующих вопросов авторы указывают на существование (кроме индивидов) также иной, несводимой к их арифметической сумме группы, юридически абстрактной совокупности (например, юридические лица), прочих юридических конструкций, не постигаемых путем человеческих ощущений нормативно-юридических условностей, наделенных признаками лица. Так, С.С. Алексеев выделяет следующие виды субъектов права: индивидуальные субъекты; коллективные субъекты (организации); общественные образования (публично-правовые субъекты — государства, административно-территориальные образования и т.д.)¹.

В советское и постсоветское время субъекты права подразделялись и подразделяются на физических и юридических лиц (организации), которые представляют собой некий комплекс².

---

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 151—153.

² См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 91; Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. С. 35; Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2000. С. 510.

Следует сразу отметить, что указанные классификационные основания не затрагивают социального основания деления субъектов права и их объективной природы, генезиса отличительных черт правосубъектности тех лиц, которые объединяются ими в категорию «организация».

Иной подход мы наблюдаем у В.Я. Бойцова, который обращает внимание на необходимость разработки такой классификации субъектов права, которая базировалась бы на объективных различиях социальной природы. Именно исходя из этого, автор различает следующие виды субъектов прав: социальные индивиды, социальные общности и социальные образования. Социальные общности — это субъекты права — образования, складывающиеся в ходе естественно-исторического процесса, помимо воли и сознания людей, в силу непосредственного действия объективной необходимости (народ, нация). Социальные образования представляют собой результат сознательной волевой деятельности людей, выступая в качестве вторичных по отношению к социальным общностям (государства, государственные и муниципальные образования и т.д.)¹.

Однако с точки зрения настоящего исследования такой подход представляется недостаточным, поскольку для сферы частного права важны социально-экономические компоненты, отражаемые в системе субъектов и выступающие ее своеобразным «общим знаменателем». Именно многообразие сфер общественной деятельности, в том числе и деятельности правовой, интересов и потребностей индивида обусловило существование широкого спектра социальных коллективов, различных по целям и сферам деятельности, механизму образования. Широко в частном праве также представлены ипостаси физических лиц — в зависимости от гражданства, участия в предпринимательской деятельности и т.д. Этим и обуславливаются особенности системы субъектов частного права.

Как отмечается в литературе, признание лица субъектом права предполагает его способность фактически быть носителем субъективных юридических прав и обязанностей. При этом лицо должно обладать волевыми качествами, подчеркивающими его внешнюю обусловленность, персонификацию, способность вырабатывать, выражать

---

¹ См.: *Бойцов В.Я.* Система субъектов советского государственного права. Уфа: Башкирск. книжн. изд-во, 1972. С. 78–81.

и осуществлять персонифицированную волю¹. С известной долей условности социальные группы соответствуют указанным критериям.

К сожалению, точка зрения, согласно которой субъект права — это абстрактное лицо, а не материальное, физическое, отнюдь не является господствующей в современной литературе и российском законодательстве. В настоящее время доминирует позиция, согласно которой физическое лицо — это и есть действительный субъект права, что и позволяет похоронить не только плоть, но и правовую личность; юридическое лицо — это не собственно правовое явление, а совокупность имущества (в смысле не прав, а вещей), или людей, или и того и другого. Все это указывает на господство в теории и законодательстве «правового натурализма», истоки которого следует искать в большевизме, упрощенном материализме².

В отечественной юридической литературе, как правило, не отражается принципиальное отличие понятий «субъект права» и «субъект правоотношения». Так, С.Ф. Кечекьян отмечал, что под «субъектом права следует понимать: а) лицо, участвующее или б) могущее участвовать в правоотношении»³. Аналогичные положения содержатся в работах Р.О. Халфиной и других авторов, которые делают вывод о том, что понятие «субъект правоотношения» является более узким, чем понятие «субъект права», поскольку носитель прав и обязанностей может и не быть участником конкретного, реального правоотношения⁴. В результате получается, что под субъектами права и субъектами правоотношения понимаются конкретные органы, организации, физические лица, выступающие в качестве носителей субъективных прав и юридических обязанностей, т.е. фактически речь идет об одних и тех же лицах.

Правоотношения — основной канал реализации правовых норм, поэтому носитель прав и обязанностей, как правило, становится субъектом правоотношений, что в общем означает совпадение круга тех и других. Подобный подход недвусмысленно высказывается в последних работах,

---

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 2. С. 138.

² См.: *Архипов С.И.* Указ. соч. С. 31.

³ *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1958. С. 84.

⁴ См.: *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 31, 114–115.

посвященных вопросам теории государства и права. Так, Н.И. Матузов утверждает, что понятия «субъекты права» и «субъекты правоотношений» в принципе равнозначны¹, а М.Н. Марченко констатирует, что в современной юридической литературе указанные понятия чаще всего используются в качестве синонимов².

Таким образом, превалирующее в юридической науке понимание субъекта права основывается на представлении о нем как о реальном, а не абстрактном носителе субъективного права (равно и обязанности).

В результате выделения правовых свойств, аспектов реальных правовых лиц создаются лица, что называется, «для одной роли»³. В литературе уже давно существует тенденция к отождествлению субъекта права с осуществляемой им правовой ролью, например с ролью покупателя, продавца, потребителя, заказчика, подрядчика, хранителя, поклажедателя и т.д.

Когда юриспруденция видит в субъекте права только лишь участника правоотношений, то число субъектов права может множиться до бесконечности (покупатели, продавцы, арендаторы, арендодатели, заказчики, подрядчики, работники, работодатели, обвиняемые, подозреваемые и т.д.). При таком подходе человек как единая правовая личность со своим собственным правосознанием, правовыми ценностями, правовой внешностью, волей и т.д. растворяется в беспредельной совокупности случайных правовых ролей.

В настоящее время есть возможность оценивать достижения как российских, так и зарубежных ученых-юристов без предубеждения и не руководствуясь «классовым подходом». Это, безусловно, способствует объективной оценке тех или иных взглядов, в том числе и на понятие «субъект права». Любопытно, что, отрицая «буржуазную» точку зрения на правовую абстракцию, советские ученые-юристы в некотором смысле были «вынуждены» становиться на эту позицию. Так, применительно к системе субъектов советского административного права их делили на группы, которые, судя по их обобщенному наименованию, фактически являлись правовой абстракцией. Например, Ц.А. Ямпольская

---

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2001. С. 388.

² См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. М.: Зерцало, 2001. С. 263.

³ См.: Архипов С.И. Указ. соч. С. 54.

выделяла такие группы субъектов, как органы государства и их агенты, общественные организации и их органы, советские граждане¹.

Понятие «субъект права» выражает правовую абстракцию. Именно с помощью данной категории, в общем виде отражающей различное деление лиц, предусмотренное правовыми нормами, единственно возможно раскрыть содержание той или иной отрасли права. Поэтому можно с уверенностью сказать, что речь идет о правовых абстракциях, определяющих обобщенно адресат распространения действия тех или иных норм. Разумеется, степень обобщения применительно к тому или иному виду субъекта права может быть различной, скажем: военнотрудовой, военнотрудовой того или иного рода войск, военнотрудовой определенного воинского звания и т.п.

Признавая возникающие сложности при отождествлении понятий «субъект права» и «субъект правоотношения», В.С. Нерсисянц подчеркивает, что не следует смешивать абстрактного субъекта объективного права (абстрактного участника абстрактного правоотношения) и конкретного, индивидуально определенного субъекта права (участника конкретного правоотношения)².

Отсюда под субъектом права целесообразно понимать абстрактное лицо (физическое или в виде юридической фикции), предусмотренное правовыми нормами, которое наделено определенным объектом абстрактных юридических прав и обязанностей.

Представление субъектов частного права в виде единой системы обуславливает ориентацию исследования данного объекта на позиции системного подхода как наиболее подходящего направления в познании сложноорганизованных объектов — систем.

§ 2. Представление о субъектах частного права в правовой науке: генезис и развитие с точки зрения системы

Формирование абстрактного понимания субъекта права имеет длительную историю. О.С. Иоффе отмечал, что еще в период Средневековья

---

¹ См.: Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности. М.: Юрид. лит., 1965. С. 57.

² См.: Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Инфра-М, 1999. С. 504–505.

(эпоху глоссаторов), когда впервые возникает юридическое понятие корпорации и зарождается не без влияния церкви концепция фиктивного, нереального лица (корпорации), противостоящего реальному физическому лицу, возникает проблема объединения двух указанных лиц в рамках некоторого общего понятия¹.

То, что концепция юридического лица в праве — фикции, противостоящего индивиду как физическому лицу, благополучно просуществовала вплоть до настоящего времени, свидетельствует об устойчивости данных представлений. Наиболее существенный вклад в преодоление этих представлений внесли авторы так называемой теории социальной реальности (Мишу, Салейль и др.), которые обосновывали реальность юридических лиц, но реальность не в смысле физическом или биологическом, а в социально-правовом, и родоначальники теории «социальных организмов» (Гирке, Безелер, Регельсбергер и др.), а также представители российской юридической науки. Например, Н.Л. Дювернуа полагал, что понятие лица в праве есть результат юридической переработки не только применительно к союзам людей, но и применительно к отдельным физическим лицам, что представления о лице как о правоспособном субъекте «есть абстракция всегда и везде, где речь идет об организованном гражданском быте», что отдельный человек является в правовых (гражданских) отношениях не как физическая особь со всеми бесчисленными видоизменениями, что в юридических отношениях для нас безразличен нравственный мотив действия человека, безразлично социальное положение людей, физические их свойства, тот или другой способ пользования имуществом и т.д.²

Примечательна в этой связи позиция И.А. Покровского, который, с одной стороны, доказывал необходимость учета и выражения в праве интересов, притязаний как абстрактной, так и конкретной личности, человека³, а с другой — настаивал на том, что эту конкретную лич-

---

¹ См.: *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. С. 53–55.

² См.: *Дювернуа Н.Л.* Из курса лекций по гражданскому праву // Чтения по гражданскому праву: Введение и часть общая: Т. 1: Вып. 3. 3-е изд. С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 258–259.

³ См.: *Покровский И.А.* Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4; *Он же.* Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2001. С. 79–87, 120 и сл.

ность, человека в праве не следует рассматривать в физическом смысле (как, впрочем, и любого другого правового субъекта)¹. Е.Н. Трубецкой также полагал, что «субъект прав — вообще не то же, что физически существующее человеческое лицо: если мы станем на эту точку зрения, то всякие затруднения в признании нормальных, идеальных юридических лиц субъектами права падают сами собою»².

Н.М. Коркунов в одной из первых в российской юридической науке работ по общей теории права, исследуя приемы построения юридических конструкций, отмечал, что отношения юридические, существующие между людьми, объективируются, рассматриваются как самостоятельные существа, возникающие, изменяющиеся в течение своего существования и, наконец, прекращающиеся; в организации, в структуре этих отношений следует различать их субъектов, т.е. тех лиц, между которыми происходят отношения, и их объекты. «Подобно тому, как определением числа, соотносительной длины и положения осей определяются все свойства кристалла, так и определение всех свойств различных юридических отношений сводится к определению их субъекта и объекта, содержания и условий установления и прекращения. Конструкция юридических отношений выполняет совершенно ту же функцию, как и конструкция кристаллографических систем. Это есть приноровленное для целей юридического исследования идеальное построение»³. Данное представление можно соотнести с представлением другого автора — Р. Иеринга, полагавшего применительно к юридическому лицу, что оно не является само дестинатором прав, которыми оно обладает, этими дестинаторами являются те физические лица, которые стоят позади него. Для них юридическое лицо является только технически необходимым представителем (носителем прав). «Юридическое лицо (по крайней мере, в своем гражданско-правовом значении) представляет собою лишь технический инструмент, чтобы обезвредить недостаток в определенности субъектов»⁴. Отсюда можно

---

¹ См.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 147. (Он подчеркивал, что индивид, как и юридическое лицо, есть также «юридическая личность». См. там же. С. 107).

² *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. Классики русской философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. С. 182–183.

³ *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. 2-е изд. М.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 359.

⁴ *Иеринг Р.* Юридическая техника. СПб., 1905. С. 75–76.

сделать вывод, что субъекты права — это не реальные (не в смысле социально-правовой реальности, а в смысле физической реальности), живые физические лица, помещенные в правовую сферу, а идеальные конструкции, созданные посредством синтеза “полученных путем анализа общих элементов наших представлений”»¹.

Представления об индивиде как о физическом лице — субъекте права строились в буржуазной юридической доктрине на характерном для индивида в буржуазном обществе дуализме: с одной стороны, он член политического общежития — гражданин или «подданный», с другой — частное лицо, частный собственник, участник гражданского оборота².

В советской юридической науке возобладали научная позиция, согласно которой правильнее всего отказаться от термина «физическое» или «естественное» лицо. По мнению В.П. Грибанова, этот термин является пережитком буржуазной натуралистической трактовки субъекта права как только психофизиологической особи: субъектом права с этой точки зрения является только человек, которому противопоставлялся «искусственный», «фиктивный» или так называемый моральный субъект — юридическое лицо³. Индивид, по мнению советских исследователей, как участник хозяйственной и культурной жизни и как член политического общежития является гражданином. Поэтому индивидов — участников гражданских правоотношений правильнее именовать гражданами, а не физическими лицами. В этой связи представляется уместным привести также суждение Л.С. Явича о том, что для советской юридической науки характерен подход, в соответствии с которым субъектами права являются вполне реальные участники общественных отношений — отдельные люди или соответствующие коллективы (общности, комплексы, организации), в то время как буржуазная юриспруденция обычно рассматривает понятие субъекта права как чисто юридическую конструкцию, порожденную самим правом (К. Савиньи, Р. Иеринг, Н.М. Коркунов, Э. Дженкс, Г. Кельзен и др.). Хотя справедливости ради следует отметить, что советская наука не смогла полностью отказаться от юридической «абстракции»

¹ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 358.

² См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2001. С. 45.

³ См. там же. С. 47.